

Сун Цинсюй сидел в новом доме, уставившись на зеленый экран компьютера, и ломал голову. Несмотря на то что с детства он славился своим умом, освоить китайскую пиньинь за короткое время было непростой задачей, не говоря уже о методе «пяти черт». К счастью, в Гонконге в основном использовались традиционные иероглифы, и, хотя они немного отличались от тех, что он знал раньше, после внимательного объяснения Цзян Мэнлина Сун Цинсюй смог использовать метод «пяти черт» для поиска информации.

Винный магазин находился далеко от склона холма в Гонконге, и Цзян Мэнлин вынужден был взять с собой старательного ученика Сун Цинсюя, чтобы поехать на автобусе. Даже так, путь занял целый час.

Экономика Гонконга из-за внезапного кризиса сильно ухудшилась. На этой знаменитой улице роскоши, где обычно парковались дорогие автомобили и толпились знатные дамы, теперь было гораздо меньше людей. Зато появились новые нувориши, курящие огромные сигары, облаченные в блестящие меха и носящие золотые цепи толщиной с палец.

Цзян Мэнлин выскочил из автобуса и, схватив Сун Цинсюя, зашел в винный магазин рядом с остановкой.

Этот магазин, основанный в Варшаве, Польша, работал в Гонконге уже почти сто лет. Жители Гонконга обожали все европейское. Владелец магазина, польский китаец, унаследовал бизнес от отца, но увлекался финансами. Если бы не помощь Цзян Мэнлина, он, возможно, потерял бы этот магазин во время недавнего кризиса.

— Цзян! Ты пришел? Я тебя ждал.

Саймон подошел и обнял Цзян Мэнлина, говоря на идеальном кантонском, что резко контрастировало с его светлыми волосами и голубыми глазами.

— Я должен был тебя угостить обедом, это дело было таким важным...

Сун Цинсюй без церемоний отстранил его, нахмурившись и явно недовольный:

— Ты что делаешь?!

Какой легкомысленный человек!

Саймон был удивлен, но Цзян Мэнлин не обратил на это внимания:

— Где вино?

— Внутри, я сейчас принесу.

Саймон быстро исчез в задней комнате и через мгновение выкатил тележку с тремя большими бутылками. Темно-фиолетовое вино переливалось внутри. Цзян Мэнлин нахмурился:

— Как я это понесу?

— Эй! — вдруг раздался голос рядом. — Хозяин, ты что, шутишь? Ты сказал, что вино закончилось, а этот парень приходит, и ты достаешь три бутылки? Ты что, меня за дурака держишь?!

Цзян Мэнлин удивленно посмотрел, и вместе с Саймоном уставился на типичного гонконгского нувориша.

Мужчина был одет в темно-коричневую шубу из соболя, которая делала его похожим на шарик. Двойной подбородок свисал с шеи, лицо было толстое, во рту необрезанная сигара, не зажженная, а золотые зубы сверкали.

Увидев, что Цзян Мэнлин смотрит на него, он разозлился:

— Ты откуда тут взялся?

Цзян Мэнлин не хотел затевать ссору:

— Я заранее заказал.

Мужчина в меху еще больше разозлился. Он сразу узнал акцент Цзян Мэнлина и видел, как тот выскочил из автобуса. Как человек, который ездит на автобусе, мог позволить себе три бутылки Короля вин? Наверняка это посредник договорился с хозяином, чтобы перепродать их с наценкой.

Нувориш с презрением вытащил свой бумажник и выложил на прилавок толстую пачку купюр:

— Эй, сколько стоит? Я добавляю десять тысяч, отдай мне одну бутылку.

Цзян Мэнлин поднял бровь, удивленный.

В прошлой и этой жизни он редко выходил из дома и почти не сталкивался с подобными ситуациями. Истории о нуворишах, которые бросают деньгами, он слышал только в СМИ. Теперь, увидев это своими глазами и оказавшись в центре событий, он чувствовал себя удивленным.

Цзян Мэнлин с презрением посмотрел на него:

— Ты кто такой?

Мужчина нахмурился, злобно снял сигару с губ, а за его спиной сгустились два охранника в черных очках и костюмах. Нувориш проговорил:

— Что, мало?

Цзян Мэнлин рассмеялся, облокотившись на плечо Сун Цинсюя и указывая на нувориша:

— Видишь? Это настоящий материал для обучения. Когда будешь вести себя круто, никогда не делай так, это слишком позорно!

Нувориш явно понимал мандарин и, услышав это, взорвался, ударив по столу. Его желтые зубы сверкнули золотом:

— Эй! Твоя мама сказала тебе помыть рот! Северные шлюхи еще в отелях работают, а ты, деревенщина, приехал в Гонконг деньги зарабатывать? Посмотри на себя, сколько ты вешишь, говори осторожнее, а то умрешь не своей смертью!

Улыбка Цзян Мэнлина мгновенно исчезла.

О, так это еще и сторонник независимости Гонконга?

Цзян Мэнлин дернул уголком рта, начав находить это забавным. Гонконг уже много лет как

вернулся в состав Китая, но местные жители продолжали унижать и оскорблять материковых китайцев. Если это касалось других, Цзян Мэнлин не вмешивался, но если задевали его, то это уже другое дело.

— Цинсюй.

Цзян Мэнлин повернулся и бросил Сун Цинсюю взгляд. Тот, получив команду, молниеносно вышел вперед и трижды ударил нувориша по лицу.

Сигара выпала изо рта мужчины, а из уголка его рта потекла кровь.

Он даже не успел понять, что произошло, вероятно, не ожидая, что кто-то осмелится напасть на него прилюдно.

Цзян Мэнлин, выпустив пар, почувствовал облегчение, но, посмотрев на три бутылки вина, понял, что нести их будет сложно. Он обратился к Саймону:

— Я скоро уезжаю. Может, ты отправишь их мне? Я оплачу доставку.

Сун Цинсюй подошел к прилавку и написал адрес на листе бумаги. Его манера держать ручку была еще неуверенной, но почерк был твердым и изящным.

Саймон, посмотрев, свистнул:

— Каллиграф?

— Да пошел ты... — Цзян Мэнлин усмехнулся, снова бросив взгляд на ошеломленного нувориша, и вдруг показалось, что он его где-то видел.

— Как тебя зовут?

Цзян Мэнлин подошел и дружески положил руку на плечо мужчины, похлопав по его покрасневшей щеке. Охранники в черных очках, после того как Сун Цинсюй вступил в дело, стояли в стороне, не решаясь двинуться. Нувориш дрожал, на его лице читались гнев и унижение. Он стиснул зубы и хотел снова заговорить:

— Ты смелый...

— Конечно, я смелый, — Цзян Мэнлин улыбнулся. Он взял бутылку вина с полки и со звоном разбил ее о край стола, держа за горлышко и медленно приближая к животу мужчины. — Старый Чжао, ты десять лет был сутенером в портовых отелях, а теперь передо мной из себя что-то строишь? Если я сейчас позвоню в полицию, через минуту твое место очистят, веришь?

Цзян Мэнлин уже вспомнил. В будущих новостях Гонконга этот нувориш будет появляться все чаще. Конечно, его вкусы не будут такими... хм, но в этот период, когда он только начинал, он мало чем отличался от угольных магнатов с материка.

Чжао Даган, возраст неизвестен, недавно удачно заработал на бирже. В будущем он войдет в сферу недвижимости и развлечений Гонконга, став известным любителем женщин. Ни одна из его звезд никогда не была чиста, но ему невероятно везло. Несмотря на давление властей, он продолжал процветать, и его удача длилась даже после смерти Цзян Мэнцзе. Его прозвали: Жирный пес.

Сейчас он еще водится с дешевыми девушками в маленьких отелях, но через пару лет он уже

будет встречаться с королевами красоты.

Но сейчас он все еще скрывается в своем темном уголке, работая сутенером и давая деньги в долг под проценты. Цзян Мэнлин не знал, что принесло ему такую удачу в будущем, но сейчас он решил немного поиграть с ним.

Его охранники оказались никчемными, и Сун Цинсюй быстро скрутил их, как мокрые тряпки, и выбросил за угол. Чжао Даган был накрыт своей собольей шубой, а Цзян Мэнлин достал ключи от его машины из внутреннего кармана. Ухмыльнувшись ошеломленному Саймону, он сказал:

— Если позвонишь в полицию, вечером я сожгу твою жену и детей.

Саймон замахал руками:

— Не буду, не буду, господин Цзян, делайте что хотите.

<http://bllate.org/book/16657/1526559>